

ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРОВАЛ ОБЩЕСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

А.Я. Рубинштейн

DOI: 10.33293/1609-1442-2023-1(100)-33-47

EDN: AVLHKU

В статье представлен теоретико-исторический анализ процессов трансформации государства, начиная от домохозяйственной патриархальной формы патернализма до ее более позднего переноса на государство, создавшего основу «патерналистского государства», отличающегося от патриархальной модели коллективным характером генерирования общественных интересов и возможностями демократизации самого процесса общественного выбора. В этом контексте рассмотрены проблемы демократизации нерыночных решений с присущими им рисками искажения общественного выбора и сформулировано противоречие политического процесса. В качестве одного из его следствий в статье сделан принципиальный вывод об исчерпании модели «благотворящего государства» и наступлении очередного этапа эволюции, особенностью которого является перерастание государства благосостояния в патерналистское государство. Данный вывод соседствует с другими результатами этого исследования, позволившими выделить основные этапы эволюции государства, включая начальную фазу «патриархального государства» и стадию «заката патерналистского государства», связанную с «провалом общества». Речь идет о такой ситуации, когда нарушенные защитные механизмы социума перестали препятствовать выбору целей государства, не соответствующих интересам общества, и ошибочных стратегий их реализации. В статье сформулировано предположение относительно воз-

можностей восстановления «иммунной системы» социума. По достижении стадии развитого патерналистского государства перед обществом появляется эволюционная развилка. В одном случае запускается процесс деградации патерналистского государства, сопровождающийся сокращением поля общественного выбора и переходом к автократии, а затем и к ликвидации механизмов общественного выбора. В другом случае появляются предпосылки восстановления иммунной системы социума, которые связаны с развитием социальных сетей, создающих принципиально новый канал коммуникации политиков и общества, способствующий формированию неформальных институтов, обеспечивающих расширение поля общественного выбора.

Ключевые слова: государство, общество, патернализм, общественный выбор, провал общества, защитные механизмы, гражданское общество.

Классификация JEL: B15, B25, B30, B41, B50.

Для цитирования: Рубинштейн А.Я. (2023). Эволюция государства и провал общества: теоретические заметки // Экономическая наука современной России. № 1 (100). С. 33–47. DOI: 10.33293/1609-1442-2023-1(100)-33-47. EDN: AVLHKU

Настоящая статья подготовлена в соответствии с темой государственного задания «Эволюционная теория государственного патернализма: общественный выбор, институты и гражданское общество» и продолжает исследования автора в области экономической теории государства. Предметом данного исследования является историко-теоретический анализ эволюции государства и его трансформаций в конфликте и взаимодействиях с институтами гражданского общества. Одна из целей представленной статьи состоит во введении в научный оборот, наряду с провалами рынка и государства, феномена провала общества, обусловленного дефектами защитных механизмов социума, которые непосредственно связаны с проблемами общественного выбора и обоснованием возможностей устранения провала общества.

© Рубинштейн А.Я., 2023 г.

Рубинштейн Александр Яковлевич, Заслуженный деятель науки РФ, кандидат экономических наук, доктор философских наук, профессор, руководитель научного направления «Теоретическая экономика» Института экономики РАН, Москва, Россия; arubin@aha.ru

1. ПАТРИАРХАЛЬНЫЙ ПАТЕРНАЛИЗМ

Начну с того, что патерналистская форма государства получила свое название много позже, чем возникло само явление, которое берет начало в ранней истории, – по сути, одновременно с формированием семей с патриархальным патернализмом и появлением других общностей людей и их глав, в обязанности которых входила защита интересов членов общин. Проще всего это обсуждать на примере классической Греции, где центром экономической жизни было домашнее хозяйство – результат естественного объединения людей с целью удовлетворения их жизненных потребностей. Ради этого глава семьи – патер обладал всей полнотой власти, что, собственно, и принято называть *патриархальным патернализмом*. На патриархальную особенность домохозяйственного патернализма обращает внимание Уильям Джемс Бут, который в книге «Домохозяйства. Моральная архитектура экономики» подчеркивал, что «заботливые отношения господства и подчинения между патером и другими членами – женой, детьми и рабами – были скреплены взаимностью» (Booth, 1993, p. 38–39)¹.

Следует отметить также, что рациональная организация домохозяйства позволяла патеру больше времени тратить на так называемые *благородные* занятия. При этом излишки от ведения хозяйства обычно не реинвестировались, а расходовались на участие в *государственных делах* (Leshem, 2016, p. 229). Как отмечает Максим Десмаре-Трем-

бле, «для греков экономическая деятельность домохозяйства была встроена в более широкую этическую концепцию, которая ставила политическую деятельность на более высокий уровень, чем создание обычных благ» (Desmarais-Tremblay, 2021, p. 184).

Наверное, не будет ошибкой и утверждение о естественной природе гражданского общества. Дело в том, что домашние хозяйства фактически подготавливали мужчин к общественной жизни. Политической свободой граждане могли пользоваться потому, что их домашнее хозяйство обеспечивало удовлетворение только необходимых потребностей. Снова сошлюсь на У. Бута, который, описывая натуральное хозяйство того времени, отмечал: «Поскольку домохозяйства были самодостаточными, граждане в полисе были свободны (независимы от других), то это позволяло им взаимодействовать на равных» (Booth, 1993, p. 8). Собственно, в таких взаимодействиях и зарождалось *гражданское общество*. И в этом смысле, подчеркну это особенно, государство того времени *существовало и сотрудничало* с новорожденным гражданским обществом. Все стало меняться позже, в процессе переноса патриархальной формы патернализма на государство. О возможности такого переноса писали еще древнегреческие мыслители: Платон предполагал, что «государственное управление и ведение домашнего хозяйства являются объектами одной и той же практической науки» (Платон, 2017). Аристотель же исходил из того, что «и домашнее хозяйство, и государство – это сообщества с общим объектом, организованные для достижения какой-то цели» (Аристотель, 1983)².

В исторической динамике развития общества, когда политико-экономическое устройство государства формировалось по аналогии с домашним хозяйством и пере-

¹ В этой известной книге, опубликованной в Нью-Йорке в 1993 г. издательством Корнельского университета, Уильям Бут рассматривает то, что он называет *моральной архитектурой экономики*, – влиянием социальных ценностей на ее институты. Обращаясь к исходной экономической единице, Бут исследует аристотелевскую концепцию домашнего хозяйства, сопоставляя ее с классической и либеральной теориями.

² Подробный анализ экономики и в целом социума классической Греции представлен в работе «Патернализм и общественное домохозяйство: о внутренних истоках общественной экономики» (Desmarais-Tremblay, 2021, pp. 180–211).

носом имманентных ему норм в публичный дискурс, менялся и патернализм, который из патриархально-семейной формы превращался в государственный. Рональд Дворкин, в частности, определил государственный патернализм как «вмешательство в свободу действий человека, оправданное причинами, относящимися исключительно к благополучию, счастьем, потребностям, интересам или ценностям принуждаемого лица» (Dworkin, 1972, p. 65). Подобная мотивация государственного вмешательства, являющаяся основанием для многих теорий, включая концепцию всеобщего благосостояния, по сути, с самого начала подрывала возможности формирования гражданского общества.

Забегая вперед, отмечу, что по мере развития экономики, основанной на разделении труда и рыночном обмене, утрачивались и свободы многих граждан, которые превращались в подданных. Развитие в постэллинский период экономики рыночного обмена обусловило, как это ни удивительно, закат гражданского общества классической Греции, а много столетий спустя тот же самый процесс, наоборот, стал главным фактором его формирования.

В исторической линии развития социума, когда на различных этапах его эволюции возникали соответствующие формы политико-экономического устройства государства, изменялся и патернализм. Сам же феномен государственного патернализма в любой его модификации представляет собой совокупность интересов государства, декларируемых часто от имени общества и предписывающих необходимость их реализации физическим и юридическим лицам, а также социальным общностям. При этом современное патерналистское государство отличается, как известно, от патриархальной модели *коллективным* характером генерирования общественных интересов и возможностями демократизации самого процесса *общественного выбора* (Рубинштейн, Гринберг, Городецкий, 2022, с. 144). Этой важной теме уже многие годы посвящена обширная литература. И хотя соответствующая статья Джеймса Бьюкенена

(Buchanan, 1949) была опубликована годом позже двух работ Дэвида Блэка (Black, 1948a; 1948b), название теории «Общественный выбор» закрепилось лишь в 1960-е гг., после создания по инициативе Бьюкенена ассоциации и журнала «Public Choice»³.

2. ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВЫБОР И ЕГО ПОРОКИ

В рамках данной теоретической конструкции, как известно, был представлен подход к изучению нерыночных решений, особенностью которого стали демократические процедуры парламентских голосований (Buchanan, Tullock, 1962). Следует учитывать при этом, что парламентская партия, обладающая большинством голосов, способна обеспечить практически любые решения, отвечающие ее интересам. И дело не только в том, как формировался парламент и насколько выборы в этот коллективный орган были демократичными и репрезентативными. Важна сама процедура принятия решений и то, что лежит в ее основе (Мельник, 2015, с. 48).

Как показали многочисленные исследования, характерной чертой современного политического процесса является *фундаментальное противоречие*: с одной стороны, демократическая система предполагает главенство большинства, с другой – подчинение большинству нередко трансформируется в «уклонение за большинством»⁴. Соглашаясь

³ В 1967 г. на конференции в Чикаго по инициативе Джеймса Бьюкенена было организовано Общество общественного выбора, а в дальнейшем стал издаваться и журнал «Public Choice».

⁴ «Нетрудно устоять перед уговорами и влиянием одного злодея, но когда множество несетя под уклон с неудержимой стремительностью, то не окаяться в потоке есть признак души благородной и разума, воспитанного мужеством» (цит. по: (Ковельман, 1996, с. 65)). Эти современно звучащие слова, об-

с выбором «многих» и уклоняясь за ними, парламентарий подвергается реальному риску пройти мимо верного решения. Еще большие риски испытывает все общество: демократическое большинство может оказаться вне зоны эффективных решений.

Сошлюсь в связи с этим на Людвиг фон Мизеса: «Сегодня даже многие из тех, кто поддерживает демократические институты, игнорируют эти идеи... Аргументы, которые они выдвигают в пользу свободы и демократии, заражены коллективистскими ошибками; их доктрины являются скорее искажением, нежели поддержкой подлинного либерализма. По их мнению, большинство всегда право просто потому, что способно сокрушить любую оппозицию; власть большинства является диктаторской властью самой многочисленной партии... Такой псевдолиберализм является противоположностью либеральной доктрины» (Мизес, 2005, с. 144). Следует отметить также, что изменение процедур коллективных решений и поиск институциональных механизмов, ограничивающих власть большинства, — ключевая задача экономической и политической теории. В начале нынешнего столетия это направление исследований стало приобретать все большую популярность.

Особое место в их ряду принадлежит работам Жан-Жака Лаффона, который обращал внимание на тот факт, что, «несмотря на доминирование в экономике взгляда на общественный интерес как на решающий при выборе пути развития, “интервенция” теории групп интересов, делающей особый акцент на их влияние в формировании политических решений, продолжает расширяться» (Лаффон, 2007, с. 23). Опираясь на эту теорию, он ввел в свой анализ «аутентичного советника» правящей партии, который предлагает программу действий, увеличивающую ее выгоды в данной экономической и политической ситуации (Лаффон,

2007, с. 221). В России данный процесс проявился особенно зримо: «Между обществом и элитами сохранялся значительный конфликт интересов, следствием которого и стал наблюдаемый в настоящее время дефицит институтов — общественных благ, обслуживающих все общество, а не только его привилегированную часть» (Полищук, 2013, с. 41).

Опираясь на исследования Лаффона, нетрудно предположить, что всякий парламент представляет собой совокупность «аутентичных советников» политических партий, представляющих их интересы, что дает основание для обобщения известного результата Кеннета Эрроу в виде важного тезиса о невозможности согласования предпочтений парламентских партий. Анализ современной практики демократических государств, по сути, подтверждает это принципиальное положение в виде общей закономерности. Речь идет о векторе эволюции парламента в сторону появления «коллективного диктатора» в форме партии власти (или партийная коалиция), обладающей необходимым большинством голосов (Тангян, 1980; Лаффон, 2007), которая способна провести через голосование любые решения, отвечающие интересам «коллективного диктатора» (Мизес, 2005; Лаффон, 2007; Полтерович, Попов, Тонис, 2008). Можно предположить поэтому, что социум довольно часто сталкивается с ситуацией, когда *public choice* трансформируется в монополистический выбор партии власти.

Следствием подобных пороков общественного выбора являются такие результаты голосования, которые порождают решения, игнорирующие предпочтения небольших партий, а вместе с ними интересы многих миллионов избирателей, обуславливая часто снижение благосостояния отдельных индивидуумов и их совокупности в целом. Относится это к любым процедурам «коллективных решений», подрывающих доверие к патернализму и государственной активности у многих экономистов и политологов.

В качестве примера общественного выбора, вызвавшего экономические потери,

леченные в изящную форму, принадлежат Филону Александрийскому, философу I в. н. э., соединившему в своих ученых трудах еврейскую традицию с греческой культурой.

можно назвать принятые в свое время версии оптимизации системы управления, ставшие базой административных реформ 2005–2012 гг., на основе которых сформировались ныне действующие институты государственного управления. Причем сам этот выбор, обусловленный нормативными установками, был осуществлен посредством трансплантации институтов, присущих развитым странам, которые в нашей стране не могли «прижиться», порождая известный феномен «ловушек» (Полтерович, 2001, с. 24–50). Оторванные от реальных экономических и организационных условий такие реформы уже в зародыше содержали будущие дисфункции государства (Городецкий, 2016, с. 426–437).

Последствия подобных реформ, часто непоследовательных институциональных преобразований, обернулись, как показали исследования социологов, не только пороками государственного управления, но и, что особенно важно, «массовым разочарованием в идеологии реформ, недоверием к демократическим партиям, потребностью в стабильности, тягой к консерватизму и упованием на сильного лидера, который мог бы вернуть людям “порядок”, чувство безопасности, предсказуемость повседневного существования, гарантированный достаток и уверенность в завтрашнем дне» (Гудков, 2022, с. 153).

3. ДИСКУРС О ГОСУДАРСТВЕ

Следует подчеркнуть, что «патерналистское государство» не является венцом эволюции. И хотя данный тип государственности наблюдается в большинстве стран, само устройство такого государства требует пристального внимания и дальнейших исследований. Кроме относительно адекватного отражения функций правительства в качестве *самостоятельного рыночного игрока*, стремящегося реализовать свои нормативные интересы, для патерналистского государства, как

и для всей его предыдущей истории, характерен ряд позитивных и негативных последствий этой деятельности, сказывающихся на жизни отдельных людей и общества в целом. Причем главные изменения в этом процессе связаны с самой парадигмой патернализма. Речь идет о его смысловой трансформации: от негативной коннотации, характерной для патриархального патернализма, до более сдержанного отношения к вмешательству государства в выбор индивидуумов, сопровождающегося некоторой либерализацией патернализма (Рубинштейн, 2016, с. 8–9).

В качестве примера такого вектора изменений отношения экономистов к патернализму можно назвать признание концепции «либертарианского патернализма», выдвинутой Ричардом Талером в начале нового столетия и уже ставшей вместе с ее прародительницей – поведенческой экономикой частью мейнстрима. Любопытно, что теория мериторных благ, созданная Ричардом Масгрейвом 50 годами ранее и содержащая фактически те же самые положения, что и новый патернализм, так и не получила общественного признания. И главной причиной тому был отвергаемый в то время патернализм государства, составляющий основу данной концепции.

Пятьдесят лет спустя все изменилось. Можно согласиться с Р. Капелюшниковым, который пишет, что «отсутствие необходимой теоретической санкции долгое время сдерживало “врожденные” патерналистские устремления современных государств. Ситуация поменялась, когда поведенческая экономика такую санкцию предоставила» (Капелюшников, 2013, с. 44). Эмпирическое обоснование поведенческой экономики придало вмешательству государства интеллектуальную респектабельность. Нет сомнений и в том, что парадигма благотворящего государства фактически себя исчерпала, и мы наблюдаем очередной этап эволюции государства, особенностью которого является перерастание государства благосостояния в патерналистское государство (Капелюшников, 2013, с. 28–32; Рубинштейн, Городецкий, 2018, с. 42–63).

Причем если в концепциях общественных товаров, мериторных благ и новом патернализме, как и в кейнсианстве, проблема формирования указанных ориентаций умалчивается или по умолчанию предполагается их исходная направленность на увеличение благосостояния общества, то в теории опекаемых благ данное положение вызывает обоснованное сомнение, вызванное *нормативным содержанием* благосостояния, что указанные теории не принимают в расчет.

Речь идет о том, что патерналистское государство в лице правительства навязывает свое понимание того, «как должно быть», определяющее благосостояние для отдельных людей, их групп и всего общества, исключительно из своих соображений. Прочитую Фридриха фон Хайека: «Таким образом, государство всеобщего благосостояния становится государством домашнего хозяйства, в котором патерналистская власть контролирует большую часть доходов общества и распределяет их между людьми в тех формах и количествах, в которых, по ее мнению, они нуждаются или заслуживают» (Хайек, 2005).

Теоретико-исторический анализ дает основания для ряда выводов о процессе превращения государства в патерналистское с присущими ему рисками искажения общественного выбора. В разных условиях государство способно творить как добро, так и зло. Подчеркну при этом, что сдвиг в сторону зла обусловлен, как правило, сокращением поля общественного выбора, причина которого кроется в «поломках» защитных механизмов социума. Здесь надо обратить внимание на конфликт патерналистских действий государства с фундаментальным трендом развития демократических устоев общества, которые либеральное государство, хотя и декларировало в качестве основы экономической системы, но не смогло реализовать в достаточной степени.

Дело в том, что патерналистскому государству присущи опасности недемократического выбора приоритетов и соответствующих экономических решений, далеких

часто от потребностей общества и чреватых потерями его благосостояния. Сформулирую и общий вывод о том, что патерналистская форма государственности может развиваться без риска деградации лишь при условии наличия защитных механизмов, образующих «иммунную систему» социума, которая способна препятствовать неверному выбору целей и произволу в их реализации. Теоретико-исторический анализ свидетельствует, что такую «иммунную систему» создает гражданское общество с его демократическими институтами, включая институты самоорганизации и самоуправления.

Механизмы подобной защиты ученые разных специальностей представляют по-разному. Внимания заслуживает и известная трактовка Льва Гудкова, который в своем социологическом анализе так описывает действие иммунной системы: «Общество – совокупность форм самоорганизации социальных групп, автономных по отношению к власти. Общество (в этом смысле) сужает сферу значимости традиционных властных отношений, меняя легитимность авторитарных институтов, превращая их прежнюю суверенность в систему нормативного контроля и гарантий “порядка в обществе”, т.е. баланса отношений между различными группами и институтами. Невозможность подавления одних институциональных образований другими приводило к осознанию важности компромиссов, представительства, договоров, права, терпимости, а значит, важности социального воображения, доверия, понимания, эмпатии» (Гудков, 2022, с. 154).

4. НЕГАТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И ПОЗИТИВНЫЕ ОЖИДАНИЯ

К сожалению, реальный мир слишком часто сталкивается с нарушением защитных механизмов общества и государственной активностью, которая порождает провалы государства (Wolf, 1979; Krueger, 1990). В более

общем случае следует говорить, наверное, о провале патернализма – комбинации изъятий общественного выбора и нерациональных действий бюрократии (Рубинштейн, 2017, с. 81–83). Исходя из этого, можно выделить еще один вид провалов. Имеется в виду «*провал общества*» – такое состояние социума, когда его «иммунная система» не препятствует выбору целей патерналистского государства, не соответствующих интересам общества, и ошибочных стратегий их реализации. В качестве одной из причин провалов общества политологи Габриель Алмонд и Сидней Верба называют неразвитость гражданской культуры и патриархальность политического сознания (Алмонд, Верба, 2014).

Инфантилизм институтов гражданского общества при неразвитой гражданской культуре и ограниченных возможностях граждан отстаивать свободы и артикулировать свои права приводит к деформации социальной структуры общества, разрушению социальных лифтов и деградации элит (Мертон, 2006). Обычно эти процессы сопровождаются постепенной утратой независимости средств массовой информации и имитацией парламентаризма. Историк Михаил Геллер, описывая феномен патерналистского приспособления демократических институтов в виде искажения итогов голосований, нарушения принципов выборности и ротации на всех уровнях власти, назвал данное явление «псевдоморфозой» демократии (Геллер, 1997).

Во многих странах наблюдается и другая известная ситуация, когда уровень доверия граждан к главе государства оказывается выше, чем к политическим институтам, включая институты гражданского общества. В этом социологическом факте находит отражение влияние патернализма на гражданскую культуру и политическое сознание общества. И такое сознание появляется не на пустом месте, оно накапливается под воздействием многих факторов, в том числе связанных с «мифологизацией утраченного» и «забвением негатива прошлого», с развитием идеологии величия нации и ее лидера. Не успевая

создать зрелое гражданское общество, такие страны, как правило, претерпевают определенную трансформацию патерналистского государства, связанную с критическим сужением поля общественного выбора.

Прочитую еще раз руководителя «Левада-Центра», который так характеризует российскую ситуацию: «Начиная с середины 2000-х гг., все усилия правящей элиты были направлены на сохранение своей власти... Этот курс ознаменовался подавлением федерализма и местного самоуправления; уничтожением политических оппонентов, свободы СМИ; управлением выборами; ликвидацией независимых организаций гражданского общества (экологических, исследовательских, журналистских, исторических, правозащитных, благотворительных и др.). В результате пространство общественных дискуссий, артикуляции интересов различных социальных групп, возможность их представительства и защиты прав резко сократились» (Гудков, 2022, с. 157).

Более всего провал общества проявляется в дрейфе патерналистского государства в сторону эскалации его вмешательства во все сферы человеческой деятельности с опорой на самовозрастающую бюрократию. В этом случае происходит довольно быстрое сползание к «пограничной фазе» патерналистского государства. Речь идет о формировании авторитарного государства с фразеологией патриотизма и идеями «особого пути», долгосрочным экономическим застоем и, как следствие, снижением уровня благосостояния. Подобный процесс может продолжаться и дальше в сторону деградации патерналистского государства. С учетом сказанного представляется допустимым выделить следующие этапы его эволюции:

I. Патриархальное государство;

II. Монархия – перенос домохозяйственной формы патернализма на государство, отсутствие механизмов общественного выбора;

III. Рождение патерналистской государственности: конституционная монархия

и парламентская демократия, механизмы общественного выбора;

IV. Развитие патерналистского государства и гражданского общества с широкими возможностями общественного выбора;

V. Закат патерналистского государства – автократическая власть с критическим сужением поля общественного выбора;

VI. Деградация патерналистской государственности – узурпация власти, монополизация общественного выбора, диктатура, политическая тирания.

В заключительной части статьи приведу позитивные ожидания. В связи с этим подчеркну, что не являюсь адептом патерналистского государства, и в теоретическом плане мне существенно ближе концепция порядка, предложенная Ф. Хайеком, в соответствии с которой у государства вообще не должно быть никакого собственного интереса (Найек, 1973). Опираясь на идеи Хайека, американский экономист Ричард Вагнер определяет государство «как порядок, согласовывающий действия множества участников, преследующих различные цели» (Вагнер, 2016, с. 90). Однако и в данном утверждении, и в концепции великого австрийца допускается *априорная возможность* согласования поведения отдельных индивидуумов, преследующих различные цели. Это предположение, по сути, эквивалентно гипотезе о наличии *совершенной институциональной среды*, в которой функционируют рыночные агенты. Речь идет о феномене спонтанного формирования норм и правил экономической деятельности, которые сводят своекорыстные интересы индивидуумов в интерес общества как такового. Если подобные условия развития общества выполняются, то «пророчества» Хайека сбываются и возникает порядок, формирующий общий интерес, который, собственно, и становится интересом государства.

Однако обоснованность этой гипотезы выглядит не слишком реалистичной, и потому проблемы провала государств и общества остаются. «В такой ситуации возникает извечный вопрос: что делать? Провалы рынка

может исправить государство, провалы государства может устранить общество. Но как преодолеть провал общества? Парадокс брадобрея!» (Рубинштейн, Гринберг, Городецкий, 2022, с. 146). Процитирую А.А. Гусейнова со следующим комментарием к приведенному тезису: «Существует расхожая политическая истина... что каждый народ имеет то правительство, которое он заслуживает. Об этом ли идет речь здесь, или имеется в виду особый случай, когда народ (общество) не просто допускает наличие плохого государства, а порождает его и нуждается в нем. Похоже, имеется в виду именно этот особый тупиковый случай, к чему склоняет аналогия с парадоксом брадобрея» (Гусейнов, 2022, с. 152).

Я не уверен, что уважаемый Абдусалам Абдулкеримович прав. В моем понимании речь идет не столько о том, кто порождает «плохое государство», сколько о неких объективных эволюционных процессах превращения государства в патерналистское со всеми присущими ему пороками общественного выбора и рисками снижения защитных механизмов социума, за которые отвечают институты гражданского общества. Замечу также, что при определенных условиях указанные риски реализуются в процессе деградация патерналистского государства и возникновения провалов общества. К этому, собственно, и сводился наш главный тезис выступления на состоявшемся год назад круглом столе⁵.

При этом в настоящей работе хочу отказаться от избыточно пессимистической оценки, которую я и мои коллеги сформулировали в своем выступлении на том круглом столе и соответствующей публикации «Журнала Но-

⁵ Речь идет о моем с соавторами докладе «Провалы общества в патерналистском государстве» на круглом столе (Институт экономики РАН, 16 марта 2022 г.) где, кроме нас, выступали также А.А. Гусейнов, Л.Д. Гудков и А.П. Заостровцев. Полный текст дискуссии опубликован в разделе «Горячая тема» (см. статьи Гусейнова А.А., Гудкова Л.Д. и Заостровцева А.П. в: (Журнале Новой экономической ассоциации. 2022. № 5 (57)).

вой экономической ассоциации». Исходя из нереалистичности возникновения хайковско-го «порядка» и представив ситуацию провала общества как тупиковую, мы, как я понял уже позже, не обоснованно воспользовались ассоциацией с известным «парадоксом брадобрея».

Этот парадокс, открытый в самом начале XX столетия английским математиком и философом Берtrandом Расселом, вызвал большой интерес среди ученых в разных областях науки. Многочисленные попытки решения указанной антиномии, названной парадоксом Рассела, проложили путь к выдающимся результатам в области философии и теории множеств. Сам же «парадокс брадобрея» получил довольно простое решение: было доказано, что такой брадобрей просто не может существовать, поскольку не может один и тот же человек принадлежать двум непересекающимся множествам – быть среди тех, кто не бреется сам, и одновременно среди тех, кто сам бреется. Строго говоря, и в рассмотренной коллизии – патерналистского государства и общества – указанного парадокса нет. Не надо мудрствовать лукаво, чтобы понять: на определенной стадии развития патерналистского государства, когда угнетаются институты гражданского общества и ограничиваются права и свободы выбора граждан, не существует реальных возможностей устранения провала общества. Подчеркну, однако, что такая ситуация может наблюдаться только на *ограниченном отрезке времени*, когда провал общества сопровождается нарушением иммунной системы социума и сползанием патерналистского государства к автократии.

Теоретико-исторический анализ свидетельствует о том, что рассмотрение данной проблемы в *динамике* позволяет сделать принципиально иной вывод: социум обладает весьма значительным потенциалом восстановления своей иммунной системы. Причем каждое историческое время рождает свои возможности, позволяющие восстанавливать групповые интересы и взаимодействия между отдельными общностями, или создавать условия для появления других объединений

людей, изменяющих саму основу и структуру общества. Такого рода развитие общества способно обеспечить восстановление механизма общественного выбора. В качестве примера можно привести годы горбачевской перестройки, когда «...появление множества общественных организаций (“неформалов”); всплеск политических инициатив... появление в первой половине 1990-х годов реальной конкуренции политических партий, множества организаций гражданского общества, свобода СМИ, религиозных объединений и многое другое породили надежды на выход страны из длительного состояния застоя» (Гудков, 2022, с. 153).

5. ПРЕДПОСЫЛКИ РЕИНКАРНАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

На уровне теории довольно сложно, если вообще реально, разглядеть в условиях провала общества возможности и ресурсы такого развития социума. Здесь нужны дополнительные исследования, причем междисциплинарного характера, включая специальные социологические опросы экспертного сообщества и отдельных групп специалистов. В качестве же начальной гипотезы для подобных исследований нетрудно предположить, что в самом социуме заложены хайковские «возможности согласования поведения отдельных индивидуумов, преследующих различные цели». С позиции теории опекаемых благ это означает, что столь специфический ресурс социума, повторю это еще раз, связан с формированием адекватной институциональной среды, в которой функционируют рыночные агенты. Я по-прежнему не думаю, что подобная ситуация станет реальностью, но оправданными можно признать *надежды* на некоторое приближение к ней, когда на патерналистские установки, вырабатываемые парламентом, будут чувствительно воздействовать институты гражданского общества,

формирующие такие интересы, которые не слишком сильно отклоняются от агрегата индивидуальных предпочтений. Но что же на нынешнем витке эволюции патерналистского государства, с его усиливающимся угнетением институтов гражданского общества, позволяет думать о *надеждах* на восстановление иммунной системы социума? Однозначного ответа у меня нет.

С определенными оговорками можно лишь предполагать, что предпосылки для реализации таких надежд связаны с институтом «социальных сетей», развитие которых представляет относительно новый цивилизационный тренд. Причем обусловлен он не столько формированием коммуникационной среды и развитием цифровых технологий, сколько изменениями в самом обществе, которое уже невозможно рассматривать как совокупность изолированных друг от друга людей, без соответствующего воздействия неформальных институтов и норм гражданской культуры (Hofstede, 2001; Schwartz, 2006; Аузан, 2022). В этом смысле нужно рассматривать и новое содержание категории «общности» – как группы людей, имеющих близкие интересы в непосредственном общении с себе подобными.

В научный оборот понятие «социальная сеть» было введено в 1954 г. британско-австралийским антропологом Джоном Барнсом (Barnes, 1954, p. 39–58). Под этим понятием стоит система взаимоотношений между индивидуумами и их отдельными общностями. В качестве предмета исследований феномен социальных сетей начался, как известно, с «теории шести рукопожатий» Стэнли Милгрэма, который в 1967 г. осуществил знаменитый эксперимент «Мир тесен». Согласно данной теории, каждый человек через цепочку из пяти общих знакомых знаком с жителями других стран. Спустя 30 лет была представлена математическая модель, свидетельствующая, что сети разной природы подчиняются общей закономерности модели «Мир тесен» (Watts, Strogatz, 1998, p. 440–442).

В этом контексте важным результатом следует считать вывод Альберта-Ласло Бара-

баши о «безмасштабной природе» глобальной сети Интернет (Barabasi, 2002, p. 47–97)⁶. Вместе с развитием сетей расширяются и сферы прикладных исследований (Udry, Bearman, 1998; Christakis, Fowler, 2009). В каждой стране существуют свои предпочтения социальных сетей. Сошлюсь на одного из ведущих испанских социологов Мануэля Кастельса, который пришел к заключению, что «социальные сети в настоящее время определяют новую морфологию общества, обуславливая его структуру и составные части – общности» (Castell, 2000, p. 469). Соглашаясь с этим выводом, добавлю еще один важный тезис – *социальные сети становятся элементом гражданского общества*. Исходя из этого тезиса, а также из присущего «безмасштабным сетям» потенциала социальных коммуникаций, нетрудно допустить, что социальные сети могут стать движущей силой развития гражданского общества. При этом распространение социальных сетей, охватывающих постепенно все большую часть населения, его различные возрастные, социальные и профессиональные группы, может подтолкнуть патерналистское государство к созданию условий для расширения границ общественного выбора. Речь идет о том, что, достигнув стадии развитого патерналистского государства, перед обществом появляется эволюционная развилка, когда возможны две линии политической динамики (см. рисунок).

В первом случае запускается уже описанный процесс деградации патерналистского государства, сопровождающийся сокращением поля общественного выбора и переходом к автократии, а затем и к диктатуре с фактической ликвидацией механизмов общественного выбора. Во втором случае появляются предпосылки для восстановления иммунной системы социума, которые, как мне кажется, связаны с развитием института социальных сетей, формирующего в добавление к часто

⁶ Имея в виду совокупность связей в социальных сетях, глобальные «безмасштабные сети» исследователи характеризуют часто не в строгом смысле теории множеств как бесконечные.

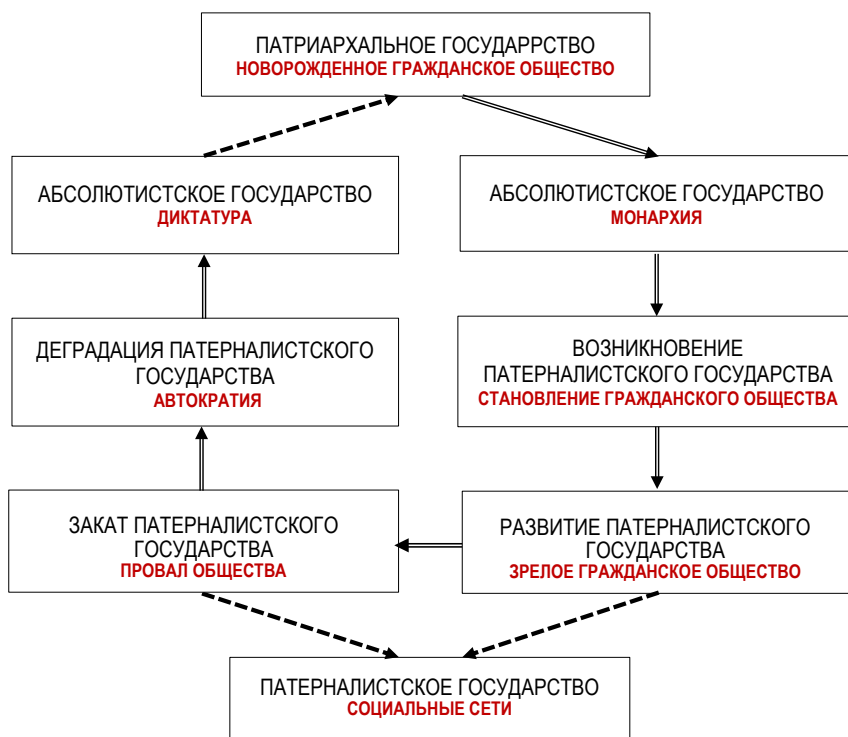

Рис. Эволюция государства (общая схема)

неэффективной избирательной системе принципиально новый канал коммуникации политиков и общества, способствующий расширению поля общественного выбора.

Следует подчеркнуть, что при втором варианте развития социума с большой вероятностью возникнет ситуация, когда «аутентичные советники» политических партий, ставшие подписчиками социальных сетей, окажутся вовлеченными в сетевой дискурс. При этом формирующееся в процессе взаимодействия членов каждой общности отношение к обсуждаемым вопросам будет отличаться от партийных установок политических деятелей. Можно предположить, что возникшие противоречия подтолкнут политических деятелей к некоторому изменению партийных установок в сторону их сближения с позициями участников социальных сетей, которых следует рассматривать в качестве искомого ресурса восстановления утраченного иммунитета социума.

Вместе с тем нельзя забывать, что исходно существующее противоречие между монополистическим вектором государственного патернализма и индивидуалистической природой социальных сетей порождает очевидные сложности в устранении провала общества. Думается, что консенсус в этой ситуации станет возможным при глобальном развитии социальных сетей, их распространении на абсолютное большинство граждан и при спонтанном, по Хайеку, формировании неформальных институтов, создающих условия для коллаборации интересов и тем самым для расширения поля общественного выбора.

Уже завершая эту статью, я обнаружил весьма интересные результаты исследований, с которыми ранее не был знаком. Как пишет математик Андроник Тангян, «...наличие диктатора в контексте модели Эрроу перестало казаться вполне очевидным. Решающую роль

здесь сыграло обращение к бесконечным моделям» (Тангян, 1989, с. 52). Это утверждение заставило меня погрузиться в чтение работ, посвященных теореме Эрроу «О невозможности», но написанных математиками. И оказалось, что еще в 1970–1980 гг. они доказали, что при переходе от конечного числа голосующих к бесконечному возникает «модель коллективного выбора без диктатора» (Fishburn, 1970; Kirman, Sondermann, 1972; Armstrong, 1980; 1985; Тангян, 1980).

Важными следует считать и внемоделльные выводы, меняющие представления о возможностях коллективного выбора. Так, в соответствии с указанными результатами и в конечной модели с постоянно возрастающим числом голосующих удельный вес решений диктатора (коллективного диктатора) сокращается. Следует отметить, что данный факт хорошо согласуется с принципами математической статистики, где события с малыми вероятностями считаются невозможными.

Весьма любопытным является еще один аспект коллективного выбора, на который также обратили внимание математики. Дело в том, что в модели Эрроу никак не уточняется, принуждает ли диктатор (коллективный диктатор) остальных участников голосования принять его выбор или сначала формируется коллективное предпочтение, которое уже принимает и сам диктатор. От того, что считать первичным «...предпочтение диктатора или коллектива, зависит интерпретация диктатора в модели Эрроу: соответствует ли он общепринятому понятию или оказывается всего лишь выразителем общественного мнения» (Тангян, 1989, с. 52). В этом случае речь идет о возможности согласования предпочтений индивидуумов, когда единогласие свидетельствует о наличии своеобразного «аутентичного» представителя интересов общества.

Познакомившись с указанными исследованиями математиков, я понял, что их можно трактовать в качестве подтверждения одной из ключевых идей своей собственной работы, связанной с социальными сетями, представ-

ляющими новый канал коммуникации между политиками и обществом. При глобальном развитии социальных «безмасштабных сетей» число их подписчиков и совокупность их связей стремятся к бесконечности (Brin, Page, 1998; Barabasi, 2002). С учетом же результатов, полученных математиками, можно утверждать, что социальные сети следует рассматривать в качестве «модели коллективного выбора без диктатора». Иначе говоря, любой консенсус, который будет достигнут при обсуждении в сетях того или иного вопроса, станет итогом демократического голосования и общественного выбора без риска оказаться в плену диктатора патерналистского государства. Таким образом, глобальное развитие социальных сетей становится важнейшим фактором возрождения защитных механизмов социума.

Список литературы / References

- Алмонд Г., Верба С. (2014). Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль. 500 с. [Almond G., Verba S. (1963). *The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. N.Y.: Princeton Univ. (in Russian).]
- Аристотель (1983). Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль. 830 с. [Aristotle (1983). *Collect. Works in 4 vol.* Moscow: Mysl'. 830 p. (in Russian).]
- Аузан А. А. (2022). Культурные коды экономики: Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. М.: АСТ. 160 с. [Auzan A. A. (2022). *Cultural codes of the economy: How the values influence competition, democracy and the wellbeing*. Moscow: AST. 160 p. (in Russian).]
- Вагнер Р. (2016). Фискальная социология и теория государственных финансов. Исследовательское эссе // Экономическая социология. Т. 17. № 2. Март. С. 88–110. [Vagner R. *Fiscal sociology and the theory of state finance*. *Journal of Economic Sociology*, vol. 17, no. 2, March, pp. 88–110 (in Russian).]

- Геллер М. (1997). История Российской империи: в 3 т. М.: МИК. [Geller M. (1997). History of the Russian Empire. In 3 vol. Moscow: MIC (in Russian).]
- Городецкий А.Е. (2016). Развитие государственного управления // Дисфункции государственного управления и конкурентный климат в экономике. М.: ИЭ РАН. [Gorodetskiy A.E. (2016). State governance development. *Dysfunctions of the state governance and competition climate in the economy*. Moscow: IE RAS (in Russian).]
- Гудков Л.Д. (2022). Инерция государственного патернализма и его последствия // Журнал Новой экономической ассоциации. № 5 (57). С. 153–161. [Gudkov L.D. (2022). Inertia of the state paternalism and its consequences. *Journal of the New Economic Association*, no. 5 (57), pp. 153–161 (in Russian).]
- Гусейнов А.А. (2022). О государстве и обществе // Журнал Новой экономической ассоциации. № 5 (57). С. 149–152. [Guseynov A.A. (2022). On the state and society. *Journal of the New Economic Association*, no. 5 (57), pp. 149–152 (in Russian).]
- Капелюшников Р.И. (2013). Поведенческая экономика и новый патернализм. М.: Изд. ВШЭ. 76 с. [Kapelushnikov R.I. Behavioral economics and the new paternalism. Moscow: SRU “Higher School of Economics” Publishers (in Russian).]
- Ковельман А.Б. (1996). Толпа и мудрецы Талмуда. М.; Иерусалим: Евр. ун-т в Москве. 79 с. (Библиотека Флавиана. Малая серия; Вып. 1). [Covelman A.B. (1996). The crowd and the sage of Talmud. (Flavian Library. The Small series. Issue 1). Moscow, Jerusalem: Hebrew Univ. in Moscow 79 p. (in Russian).]
- Лаффон Ж.-Ж. (2007). Стимулы и политэкономия. М.: ГУ ВШЭ. 311 с. [Laffont J.-J. (2000). Incentives and Political Economy. Transl. from Engl. Moscow: SU-HSE (in Russian).]
- Мельник Д.В. (2015). Концепция социального либерализма на «рынке идей» современной России // Общественные науки и современность. № 2. С. 43–53. [Melnik D.V. (2015). The concept of social liberalism in “the ideas’ market” in contemporary Russia. *Social Sciences and Contemporary World*, no. 2, pp. 43–53 (in Russian).]
- Мертон Р. (2006). Социальная теория и социальная структура: пер. с англ. М.: АСТ, Хранитель. 880 с. [Merton R. (2006). Social Theory and Social Structure. Transl. from Engl. Moscow: AST, Khranitel. 880 p. (in Russian).]
- Мизес Л. (2005). Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. 2-е изд., испр. Челябинск: Социум. 878 с. [Mises L., von (2005). Human Action: A Treatise of Economics (1949). Transl. from Engl. 2nd ed., rev. Chelyabinsk: Socium (in Russian).]
- Платон (2017). Государство. М.: АСТ. 448 с. [Plato (2017). The State. Moscow: AST. 448 p. (in Russian).]
- Полишук Л.И. (2013). Аутсорсинг институтов // Вопросы экономики. № 9. С. 40–65. [Polishuk L.I. (2013). The institutions’ outsourcing. *Voprosy Ekonomiki*, no. 9, pp. 40–65 (in Russian).]
- Полтерович В.М. (2001). Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. № 3. С. 24–50. [Polterovich V.M. (2001). Transplantation of economic institutes. *Economics of Contemporary Russia*, no. 3, pp. 23–50 (in Russian).]
- Полтерович В.М., Попов В.В., Тонис А.С. (2008). Нестабильность демократии в странах, богатых ресурсами // Экономический журнал ВШЭ. № 2. С. 176–200. [Polterovich V.M., Popov V.V., Tonis A.S. (2008). Instability of democracy in resource-rich countries. *HSE Economic Journal*, no. 2, pp. 176–200 (in Russian).]
- Рубинштейн А.Я. (2016). Социальный либерализм и консоциативный патернализм // Общественные науки и современность. № 2. С. 8–9. [Rubinstein A.Ya. (2016). Social liberalism and consociative paternalism. *Social Sciences and Contemporary World*, no. 2, pp. 8–9 (in Russian).]
- Рубинштейн А.Я. (2017). Элементы общей теории изъязнов смешанной экономики // Вопросы государственного и муниципального управления. № 1. С. 71–102. [Rubinstein A.Ya. (2017). The elements of general theory of the mixed economy’s failures. *Public Administration Issues*, no. 1, pp. 71–102 (in Russian).]
- Рубинштейн А.Я., Городецкий А.Е. (2018). Государственный патернализм и патерналистский провал в теории опекаемых благ // Журнал

- институциональных исследований. № 10 (4). С. 42–63. [Rubinstein A.Ya., Gorodetskiy A.E. (2018). State paternalism and paternalism failure in the theory of patronized goods. *Journal of Institutional Studies*, no. 10 (4), pp. 42–63 (in Russian).]
- Рубинштейн А.Я., Гринберг Р.С., Городецкий А.Е. (2022). Патерналистское государство и гражданское общество // Журнал НЭА. № 5 (57). С. 142–148. [Rubinstein A.Ya., Greenberg R.S., Gorodetskiy A.E. (2022). The paternalistic state and civil society. *Journal of the New Economic Association*, no. 5 (57), pp. 142–148 (in Russian).]
- Тангян А.С. (1989). Интерпретация диктатора в модели Эрроу как представителя коллектива. Существование диктаторов-представителей // Математическое моделирование. Т. 1. № 7. С. 51–67. [Tanguyan A.S. (1989). Dictator interpretation in the Arrow model – as a representative of a collective. Dictator-representative presence. *Mathematical Models and Computer Simulations*, vol. 1, no. 7, pp. 51–67 (in Russian).]
- Тангян А.С. (1980). Иерархическая модель группового выбора // Экономика и математические методы. Т. 16. № 3. С. 519–534. [Tanguyan A.S. (1980). Hierarchical model of group choice. *Economics and Mathematical Methods*, vol. 16, no. 3, pp. 519–634 (in Russian).]
- Хайек Ф. (2005). Дорога к рабству: пер. с англ. М.: Новое издательство. 264 с. [Hayek Fr., von (2005). Road to slavery. Transl. from Engl. Moscow: New Publisher. 264 p. (in Russian).]
- Armstrong T.E. (1980). Arrow's Theorem with Restricted Coalition Algebras. *Journal of Mathematical Economics*, vol. 7, no. 1, pp. 55–75.
- Armstrong T.E. (1985). Arrow's Theorem with Restricted Coalition Algebras. Erratum and Addendum. *Journal of Mathematical Economics*, vol. 14, no. 1, pp. 57–59.
- Barabasi Al.-L. (2002). Statistical mechanics of complex networks. *Reviews of Modern Physics*, vol. 74 (1), pp. 47–97.
- Barnes J. (1954). Class and Committees in a Norwegian Island Parish. *Human Relations*, vol. 7, pp. 39–58.
- Black D. (1948a). On the rationale of group decision making. *Journal of Political Economy*, vol. 56, pp. 23–34.
- Black D. (1948b). The decisions of a committee using a special majority. *Econometrica*, vol. 16, pp. 245–261.
- Booth W.J. (1993). Households. On the moral architecture of the economy. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Brin S., Page L. (1998). The Anatomy of a Large-Scale Hypertextual Web Search Engine. Computer Networks and ISDN Systems. *Computer Networks*, vol. 30, pp. 107–117.
- Buchanan J. (1949). The pure theory of public finance: A suggested approach. *Journal of Political Economy*, vol. 57, pp. 496–505.
- Buchanan J., Tullock G. (1962). The Calculus of Consent: Logical. Foundations of Constitutional Democracy. Ann Arbor, MI: Univ. of Michigan Press.
- Castells M. (2000). The Rise of The Network Society: The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 1. 2nd ed. Chichester, Blackwell Publishers. 594 p.
- Christakis N.A., Fowler J.H. (2009). Connected: the surprising power of our social networks and how they shape our lives. N.Y.: Little, Brown Spark. 368 p.
- Desmarais-Tremblay M. (2021). Paternalism and the Public Household: On the Domestic Origins of Public Economics. *History of Political Economy*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 179–211.
- Dworkin G. (1972). Paternalism. *The Monist*, vol. 56, no. 1, pp. 64–84.
- Fishburn P.C. (1970). Arrow's Impossibility Theorem: Concise Proof and Infinite Voters. *Journal of Economic Theory*, vol. 2, no. 1, pp. 103–106.
- Hayek F.A. (1973). Rules and order. Chicago: University of Chicago Press.
- Hofstede G. (2001). Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations. N.Y.: Sage Publications. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7452167/>
- Kirman A., Sondermann D. (1972). Arrow's Theorem, Many Agents, and Invisible Dictators. *Journal of Economic Theory*, vol. 5, no. 2, pp. 267–277.
- Krueger A. (1990). Government failures in development. *Journal of Economic Perspectives*, no. 4, pp. 9–23.

- Leshem D. (2016). Retrospectives: What Did the Ancient Greeks Mean by Oikonomia? *Journal of Economic Perspectives*, vol. 30, no. 1, pp. 225–231.
- Schwartz S. (2006). A Theory of Cultural Value Orientations: Explication and Application. *Comparative Sociology*, vol. 5, no. 2–3, pp. 137–182.
- Udry J.R., Barmann P.S. (1998). New methods for new research on adolescent sexual behavior. In: R. Jessor (ed.). *New perspectives on adolescent risk behavior*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 241–269.
- Watts D.J., Strogatz S.H. (1998). Collective dynamics of “small-world” networks. *Nature*, June 4, pp. 393(6684):440–2. DOI: 10.1038/30918. Available at: <http://snap.stanford.edu/class/cs224w-readings/watts98smallworld.pdf>
- Wolf Jr.Ch. (1979). A theory of nonmarket of failure: Framework for implementation analysis. *The Journal of Law & Economics*, vol. 22, iss. 1 (April), pp. 107–139.

Рукопись поступила в редакцию 07.02.2023 г.

THE EVOLUTION OF THE STATE AND THE FAILURE OF SOCIETY: THEORETICAL NOTES

A.Ya. Rubinstein

DOI: 10.33293/1609-1442-2023-1(100)-33-47

EDN: AVLHKU

Alexander Ya. Rubinstein, Honored Scientist of the Russian Federation, Candidate of Economic Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the scientific direction “Theoretical Economics” of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian; arubin@aha.ru

The article presents a theoretical and historical analysis of the state transformation processes, starting from the household patriarchal form of paternalism up to its later transfer

to the state, creating the basis for “paternalistic state”, which differs from the patriarchal model by the collective nature of generating public interests and democratization possibilities of the public choice process itself. In this context the problems of democratization of non-market decisions, with their inherent risks of distortion of public choice, are considered, and the fundamental contradiction of the modern political process is formulated. As one of its consequences, the article draws a fundamental conclusion about the exhaustion of the “welfare state” model and the onset of the next stage of evolution, the feature of which is the transformation of the welfare state into a paternalistic state. This conclusion is combined with other results of this study, which highlighted the main stages of state evolution, including the initial phase of the “patriarchal state” and the stage of the “decline of the paternalistic state”, associated with the “failure of society”. The matter here is such a state, when the society's broken protective mechanisms no longer prevent the choice of paternalistic state goals that do not correspond to the interests of society, and the erroneous strategies of their implementation. The article formulates an assumption about the possibility of restoring society's “immune system”. Having reached the stage of a developed paternalistic state, society faces evolutionary cross-roads. In one case, the process of paternalistic state degradation starts, accompanied by a reduction of the field of social choice and a transition to autocracy, and then to the liquidation of the mechanisms of social choice. In another case, there are prerequisites for recovery of society's immune system connected with the development of social networks, creating an essentially new channel of communication between politicians and society that contributes to the formation of informal institutions, providing expansion of the public choice field.

Keywords: patriarchal paternalism, paternalistic state, public choice, failure of state, paternalistic failure, failure of society, protective mechanisms, civil society, social networks. **JEL classification:** B15, B25, B30, B41, B5.

For reference: Rubinstein A.Ya. (2023). The evolution of the state and the failure of society: Theoretical notes. *Economics of Contemporary Russia*, no. 1 (100), pp. 33–47 (in Russian). DOI: 10.33293/1609-1442-2023-1(100)-33-47. EDN: AVLHKU

Manuscript received 07.02.2023